

Ше Цзе сейчас не замечал ничего вокруг — все его мысли занимали доносившиеся отовсюду звонкие выкрики уличных зазывал.

В их стране, где еда исстари была возведена в культ, даже в Праздник середины года — день, когда покойники бродят среди живых, — непременно полагалось лакомиться особыми угощениями. Чего тут только не было: искушающие сладким ароматом молочные пироги, нежнейшие ломтики вяленого мяса, сочные сезонные фрукты... В Цзянцзо к тому же всюду уплетали хрустящие блинчики-яобин, очень похожие на весенние рулеты. Но Ше Цзе, который родился и вырос на севере, оставался верен незыблемой истине: в любой мало-мальски важный день на столе обязаны быть пельмени-цзяоцзы.

В столичной Юнцзи любили прозрачные «хрустальные» пельмени и жареные цзяоцзы, а здешние края, Цзянцзо, славились пельменями Шило и разноцветным ассорти. И надо же было такому случиться: прямо на храмовой ярмарке у подножия Южного пика обнаружилась лавочка, где готовили те самые знаменитые пельмени Шило.

— Наверняка объедение! — уверенно заявил Ше Цзе, едва приподняв тонкую занавеску экипажа, чтобы бросить взгляд на улицу.

Цянь Цзя недоумевал: как можно судить о вкусе, даже не попробовав? Ше Цзе ведь даже запаха не почувствовал. Неужели познания Наследника Ше в праздных развлечениях достигли таких заоблачных высот, что он научился определять качество блюд на расстоянии?

— Посмотри, какая там очередь! — Ше Цзе указал сложенным веером в окно.

До обеда оставалось еще прилично времени, а у лотка с пельменями уже яблоку негде было упасть. Очередь растянулась длинной, извивающейся змейкой, в которой то и дело мелькали серые буддийские рясы — видать, даже монахи из горной обители Тяньнин Ваньшоу не устояли перед искушением.

Цянь Цзя лишь молча покачал головой. Что ж, в логике Наследнику Ше не откажешь.

— Может, и нам взять пару чашек? — встрял в разговор Ше Сяосы, парень шустрый и бойкий. Вопрос он задал с умыслом: «пару чашек» означало, что и сам он не прочь набить брюхо.

— Иди бери, — с улыбкой кивнул Ше Цзе.

Он без раздумий согласился угостить всю челядь. И дело было вовсе не в том, водились ли у него сейчас деньги. Ше Цзе от природы славился щедростью: даже имея он в кармане последнюю медную монету, он без сожаления разделит бы её с друзьями.

Ше Сяосы, ловко лавируя в толпе, устремился вперед. Следом за ним, расчищая дорогу, зашагали несколько гвардейцев из охраны Великой старшей принцессы-покровительницы государства. Какая бы длинная очередь ни выстроилась у лавки, если уж их молодой господин пожелал отведать цзяоцзы, их должны были подать сию же секунду!

Люди, пришедшие на ярмарку, были в основном простыми горожанами. Едва завидев дорогую парчу и форменные клинки гвардейцев Ше, они сразу смекнули, что связываться с челядью столь высокопоставленного вельможи себе дороже. На лицах мелькало недовольство, но вслух возразить никто не посмел.

Однако у всякого терпения есть предел. Среди присмирившей толпы нашелся тот, кто мириться с произволом не пожелал. Юношу звали Люлан, он служил у какого-то заезжего господина и скромно стоял в очереди в простой коричневой куртке-дуаньда. Ему вот-вот должны были положить его порцию, как вдруг прямо перед его носом влезли наглые пришельцы. Люлану было плевать, чьих кровей эти наглецы — его собственный хозяин занимал в обществе чин ничуть не меньше!

— Вы что творите? — возмутился Люлан.

Он заговорил на безупречном столичном диалекте гуаньхуа. По нынешним временам такое чистое произношение безошибочно выдавало человека из высших кругов Юнцзи.

Ше Сяосы так и прыснул. Нагло ослабившись, он ответил на том же столичном наречии:

— Без очереди лезем. Не видишь, что ли?

Тон его так и сквозил откровенной издевкой.

Люлан вытаращил глаза. Сроду ему не доводилось встречать пройдох, которые творили бы бесчинства с подобной непоколебимой уверенностью. От ярости у него перехватило дыхание; он только глотал воздух и тыкал пальцем, но так и не сумел выдать ни единого хлесткого столичного ругательства — сразу видно, в словесных перепалках он был слаб. Густо покраснев до самых ушей, бедняга лишь выдавил:

— Так поступать подло! Тебе самому-то не стыдно?

— Ни капельки, — с предельно честным лицом отозвался Ше Сяосы. — Зато сегодня наш Наследник Ше угощает пельменями всю честную компанию!

Последние слова Ше Сяосы выкрикнул во всю глотку, чтобы услышал каждый в очереди. И унылая толпа, изнывавшая под палящим солнцем, мгновенно преобразилась — люди довольно загудели и заулыбались.

Людская психология проста: подсунь им сперва горькую пилюлю, а следом подсласти её щедрым подарком — и вместо проклятий услышишь хвалебные оды. За годы службы у Ше Цзе хитрый малый наловчился проворачивать подобные трюки без сучка и задоринки. И каприз молодого барина исполнен, и имя господина не очернено народным гневом.

— Да сдались мне ваши подачки! За кого ты меня принимаешь? — вспыхнул Люлан. Он был слишком молод и горд, чтобы смолчать и стерпеть такое унижение.

Ше Сяосы склонил голову набок, с улыбкой разглядывая взъерошенного юношу, который из всех сил пытался казаться грозным. Вдруг он картинно отступил на шаг назад, сделал широкий приглашающий жест и отвесил шутовской поклон:

— Ну, раз так — милости прошу вперед!

Люлан лишился дара речи.

Ше Цзе до поры до времени пребывал в блаженном неведении, пока старший брат зачинщика, Ше Далан, не явился с докладом. Выслушав его, Ше Цзе только покачал головой. Сяосы опять взялся за старое — неприкрыто заигрывал с парнем.

Именно заигрывал. Ше Сяосы, несмотря на то что сам был мужского пола, питал нежные чувства исключительно к мужчинам. Своих предпочтений он никогда не скрывал, да и Ше Цзе не видел в этом ничего предосудительного. Беда была в другом: стоило Сяосы завидеть смазливое лицо, как в нём просыпался несносный соблазнитель, причём ухаживал он на редкость топорно.

— И что, хорошенький малый? — из чистого любопытства поинтересовался Ше Цзе.

Ше Далана, судя по всему, изрядно злила глупость собственного брата. Родными ведь вышли из одного чрева с разницей в какие-то мгновения, а ума — небо и земля! Он лишь глухо буркнул:

— Ну, смазливый.

— Ладно тебе, иди уладь дело. Устроили тут балаган, смотреть тошно, — вздохнул Ше Цзе. — Передай этому оболтусу: если кто приглянулся — ухаживай по-человечески, а не вытворяй глупости. Тоже мне, кавалер выискался. Разузнай, чьих он будет. Пусть Сяосы извинится, если нужно — дай серебра или как-то иначе загладь вину.

Ше Цзе привык платить за чужие безумства. Пусть он и слыл неисправимым гулякой, но всегда держал марку — даже среди повес должен быть порядок. Во всяком случае, именно это он когда-то торжественно пообещал своему царственному кузену.

Но не успел Ше Далан сделать и шагу, как оскорблённый Люлан, бросив очередь и забыв про пельмени, в слезах помчался жаловаться своему хозяину. Обида душила его, точно малого ребёнка.

И надо же было такому случиться, что роскошный выезд чужого господина стоял вплотную к скромной повозке Ше Цзе, запряжённой неторопливым быком.

Породистые скакуны, резной лакированный экипаж, от которого веяло дорогими благовониями... Владелец этого чуда явно смыслил в роскоши куда больше самого Ше Цзе и даже не помышлял о скромности.

Даже сквозь плотные занавеси Ше Цзе отчётливо слышал, как Люлан, задыхаясь от рыданий, изливает душу. В ответ раздался глубокий, рассудительный голос другого слуги, журившего беднягу:

— И зачем только тебя с собой взяли? Сраму не оберешься, перед господином стыдно! С базарным сбродом и то поспорить не умеешь.

Ше Цзе невольно усмехнулся: он и сам рассудил бы точно так же.

Разумный слуга тем временем продолжал наставлять незадачливого юношу:

— Вернулся ни с чем, а господина голодом морить собрался? Слыхал поговорку: «в малом не стерпишь — великое дело погубишь»? Кто мешал сначала забрать пельмени, а уж после поквитаться с наглецами?

Ше Цзе одобрительно закивал. Надо же, какой толковый попался слуга — и грамоте обучен, и умом не обделен, и обиду умеет сносить ради дела.

А вот сам таинственный господин до сих пор не проронил ни слова. Было очевидно: раз уж Ше Цзе прекрасно слышал всё происходящее за стеной экипажа, то и на той стороне ловили каждый его вздох. С самого начала обе стороны знали друг о друге всё. Ше Далан распекал брата, Ше Цзе обещал возместить убытки — сосед слышал эти слова, но смолчал, и это молчание говорило яснее любых заверений.

О том, чтобы Ше Цзе сам первым пошёл на попятную и заговорил с незнакомцем, не могло быть и речи. Гордость не позволяла.

Наконец из соседнего экипажа донеслось негромкое:

— Оставь его.

В этих словах угадывалось и желание избавить Люлана от дальнейших упрёков, и тонкий намёк самому Ше Цзе, чья челядь столь грубо нарушила приличия.

Умный поймёт с полуслова, а лишние пререкания ни к чему.

Вот только мысли Ше Цзе потекли совсем в иное русло — его разум затуманило услышанным голосом. Как его описать? Словно драгоценный нефрит коснулся камня, или чистый горный ключ зажурчал в тишине? Из-за скудных познаний в изящной словесности Ше Цзе не смог бы подобрать достойного сравнения, а потому лишь восхищённо выдохнул про себя: «До чего же хорош, чертяка!»

Этот голос словно сошёл со страниц его юношеских грёз: в меру твёрдый, властный, но лишённый грубости, с едва уловимой мягкой хрипотцой. Одним словом — безупречный.

Ше Цзе заворожило это звучание, да так сильно, что в груди шевельнулось завистливое...

«Почему у меня самого нет такого голоса?»

То была не страсть к прекрасному незнакомцу, а эгоистичное желание самому обладать подобным сокровищем.

Ше Цзе поспешно откинул бамбуковую шторку, надеясь хоть краем глаза увидеть загадочного господина, но соседский кучер уже взмахнул хлыстом. Резной экипаж плавно тронулся с места и покатил прочь, унося незнакомца в клубах дорожной пыли — легко и стремительно. Глядя ему вслед, Ше Цзе снова удручённо вздохнул: «Почему вся изысканность мира вечно достаётся другим?»

На этом величественном фоне Ше Сяосы, который как раз запыхался и притащил исходящую паром миску с цзяоцзы, выглядел на редкость нелепо и глупо.

Скрывая досаду от упущенной встречи, Ше Цзе принялся добродушно подтрунивать над слугой.

— Ну что, растяпа, упустил парня? — весело хмыкнул он. — Будешь знать, как кривляться вместо нормальных слов. Так тебе и надо!

Ше Сяосы даже возразить не решился. Скорбно вздохнув о том, как быстротечна и жестока любовь, он поплёлся обратно к лавке за пельменями для господина.

Когда перед ним наконец поставили исходящее паром блюдо, Ше Цзе принялся неторопливо есть, лениво разглядывая высившуюся впереди вершину Южного пика.

Высота Южного пика едва превышала семьдесят чжанов. Рядом с исполинскими хребтами севера он казался не более чем пологим холмом, однако для равнинного и низменного юга эта гора считалась едва ли не великаном.

Да уж, воистину исполин — ведь её макушку, увенчанную стройным силуэтом пагоды, можно было разглядеть прямо от подножия.

Южные края испокон веков славились утончёнными книжниками, которые обожали давать всему поэтичные названия. На соседнем Северном пике высился монастырь, некогда наречённый императором Вэнь-ди Обителью Духовного Прибежища Эпохи Цзинде. На его вершине тоже красовалась пагода. Обе башни стояли точно друг против друга, разделенные широкой долиной, и какой-то досужий поэт окрестил этот вид «Двумя пагодами, пронзающими облака».

Какое звучное, величественное название, не правда ли?

Пока Ше Цзе не увидел эту картину воочию, воображение рисовало ему нечто поистине неземное. Мальчишкой он грезил этими башнями ночи напролёт. Ему даже снилось, будто он приставил к пагоде длинную лестницу, взобрался на самый верх, набрал пригоршню мерцающих звёзд, а из пушистого облака соткал для матушки роскошное платье.

Разумеется, столь наивные мечты могли зародиться лишь в детской голове. Маленький Ше Цзе тогда с грехом пополам разобрал отцовские путевые заметки, и в его душе зажглось непреодолимое любопытство. Но когда кузен наконец исполнил его желание и привёз в родные края... сказка рассеялась без следа.

Всякий раз, глядя на девятирусную пагоду Южного пика, Ше Цзе испытывал щемящую досаду — точь-в-точь как купец, который надеялся приобрести бесценную жемчужину, а получил обыкновенное перепелиное яйцо.

Но вернёмся к делам земным: именно здесь, на вершине Южного пика, располагалась знаменитая на все южные земли обитель Тяньнин Ваньшоу.

Как раз в то время, когда загадочный небесный камень обрушился на голову Ше Цзе, в монастыре проходил великий съезд толкователей сутр — проще говоря, собор настоятелей со всех концов Поднебесной. Мудрецы и отшельники, которых в обычные дни днём с огнём не сыщешь в их уединённых скитах, съехались сюда вести благочестивые беседы и делиться новыми способами пополнения монастырской казны. Служители веры в Великой династии Ци отнюдь не гнушались мирского злата; они вели дела столь искусно и прибыльно, что даже у самого государя порой разгорались глаза при виде их богатств.

Однако закончить свои высокие споры святым отцам было не суждено: прямо посреди собрания в монастырь ворвалась Великая старшая принцесса-покровительница государства, волоча за собой жуткую чёрную глыбу.

Вид у разгневанной женщины был такой, словно она явилась мстить за кровную обиду.

К счастью, обошлось без кровопролития.

Окинув взглядом просторный зал, до отказа забитый блестящими бритыми головами, Великая старшая принцесса-покровительница государства довольно усмехнулась — какая удача, не придётся разыскивать этих мудрецов по всей империи! Не тратя времени на лишние церемонии, она объявила: раз уж все собрались в одном месте, расходиться никто не посмеет, пока её сыну не вернут душевный покой. За труды принцесса пообещала щедрое вознаграждение и обильную трапезу, а если кто-то действительно сумеет изгнать из камня скверну — она лично замолвит словечко перед императором, чтобы монастырь получил статус главного храма империи.

Настоятелям ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Да и попробовали бы они уйти — при виде решимости Великой старшей принцессы-покровительницы государства всякому становилось ясно: пока проклятый камень не перестанет источать зловещую силу, из монастыря живым не выйдет ни один праведник.

Разве подобает императорской дочери вести себя подобным образом? Да это же чистой воды разбой посреди бела дня!

Но кто в здравом уме решится спорить с вооружённым грабителем? Вот именно — никто.

<http://bllate.org/book/19472/1959808>